

Список использованных источников

1. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 412 с.
2. Мокшин, Н. Ф. Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1998. – 246 с.
3. Рябов, Н. В. Истоки начертания узорно-знаковой символики в культуре мордовского народа / Н. В. Рябов // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 2 (18). – С. 150–153.

References

1. Bromley Yu.V. Essays on the theory of ethnology. Moscow, Nauka, 1983, 412 p. (in Russian)
2. Mokshin N.F. Religious beliefs of the Mordva. Saransk, Mordovian publishing house, 1998, 246 p. (in Russian)
3. Ryabov N.V. The origin of pattern and symbol inscriptions in the mordovian culture, *The Humanities and Education*, 2014, No. 2 (18), pp. 150–153. (in Russian)

Поступила 01.07.2014 г.

УДК 94(470-571) “19-20” (045)
ББК 63.3(0)

Шарин Максим Сергеевич

ассистент

кафедра отечественной истории и этнологии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
Sharin1986@yandex.ru

БОРЬБА С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ В СССР 1930–1933 ГГ. КАК ПРЕДЫСТОРИЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»*

Аннотация: В статье представлена попытка проанализировать фракционную борьбу внутри ВКП(б) в начале 30-х годов прошлого столетия, приведшую к установлению в СССР тоталитарного политического режима во главе с И. В. Сталиным, и как следствие, к репрессивной политике советского государства по отношению к широким слоям населения, вошедшую в отечественную и зарубежную историографию как «Большой террор».

Ключевые слова: политические репрессии, Сталин, политбюро, «Большой террор», преследование, политическая оппозиция.

Sharin Maxim Sergeevich

Assistant

Department of Russian History and Ethnology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

COUNTERPOLITICAL OPPOSITION IN THE USSR 1930–1933 AS A BACKGROUND OF «GREAT TERROR»

Abstract: This article is an attempt to analyze the fractional struggle within the CPSU at the beginning of the 30th years of the last century, which led to the establishment of the USSR totalitarian political regime led by I.V. Stalin, and as a consequence, to the repressive policies of the Soviet state in relation to the general population that was incorporated into the domestic and foreign historiography as the «Great Terror».

Key words: political repression, Stalin, politburo, «The Great Terror», pursuit, political opposition.

Первая половина 1930-х годов стала временем окончательного формирования советской государственной системы в том виде, в каком ее

представлял Сталин. Особенности политической культуры, сложившейся после Октябрьской революции, особенно в период внутрипартийной борьбы конца 20-х – начала 30-х годов, а также внешнеполитическая ситуация породили ряд негативных тенденций, вылившихся в конце концов в процесс так называемых политических ре-

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

прессий [11, с. 113]. Поэтому интересно попытаться проанализировать, как из борьбы внутри партии выросла политика репрессий, захлестнувшая всю страну. Актуальность данной темы также обоснована тем, что, несмотря на очевидные успехи историографии в плане анализа общественно-политических и социально-экономических процессов того исторического периода, остается еще достаточно спорных и малоизученных аспектов [4; 5; 12; 13].

Победа Сталина сначала над Троцким, а потом и над недавними союзниками – группой Бухарина, Рыкова и Томского с их «правым уклоном» в начале 30-х годов еще не означала полного и окончательного его контроля над партией и Политбюро, а значит, и над всей общественно-политической жизнью в Советском Союзе. «Один из мифов, которые старательно пропагандировались в последнее время, ... состоит в том, что политики, потерпевшие поражение во внутрипартийной борьбе 1923–1929 гг., тут же уничтожались «сталинским репрессивным аппаратом» [5, с. 55].

Наоборот, начавшаяся коллективизация с ее неудачами на первом этапе и отнимающая еще больше сил и средств индустриализация порождали все больше и больше проблем, вылившихся в конце концов сначала в судебные процессы, а затем и в большую «чистку» страны в 1937–1938 годах. Интересно то, что события указанного периода (1930–1933) сильно напоминали действо времен Великой французской революции, и во многом повторяли ее сценарий, а конкретно термидорианский переворот – только, конечно, на другом историческом фоне. Подобная трактовка политического положения в Советском Союзе достаточно стара, еще Троцкий в своей работе «Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет» считал, что «нынешнее советское общество не может обойтись без государства, ни даже – в известных пределах – без бюрократии. Но причиной этому являются отнюдь не жалкие остатки прошлого, а могущественные тенденции и силы настоящего» [9, с. 183].

До открытых и массовых репрессий, в духе проскрипций Древнего Рима, до больших процессов середины и второй половины 30-х было еще далеко, но Сталин уже давно и прочно стоял на пути построения жесткой вертикали власти, подчиненной ему лично. А для этого ему было необходимо устранить последние следы оппозиции, в частности, «правых», которые давали ему множество поводов для недовольства.

Так, все тот же Рыков, занимавший должность председателя СНК СССР, поддержал председателя СНК РСФСР Сырцова (ставленни-

ка Сталина и вероятного приемника самого Рыкова) в его конфликте с Объединенным главным политическим управлением (ОГПУ). В результате СНК Союза принял решение в пользу НКВД, но после личного вмешательства Сталина решение было изменено в пользу ОГПУ.

Это было только начало. Логично, что назревал очередной раунд борьбы внутри ВКП(б), прямое продолжение знаменитых процессов вроде «Шахтинского дела». По мнению Ю. Жукова, решающую роль, роль спускового крючка, сыграл все тот же вопрос вокруг пока сомнительных успехов коллективизации и индустриализации: «Сталин оказался перед сложной дилеммой. Либо признать правоту и левых – Троцкого, Зиновьева, и правого – Бухарина, единодушно предсказывавших именно такой результат попытки в одиночку, без поддержки пролетариата, победившего в промышленно развитых странах Европы, модернизировать национальную экономику. Либо упорно, невзирая ни на что, продолжить осуществление пятилетнего плана и использовать для этого все возможные средства, самые жестокие и суровые» [2, с. 57].

Сталин пошел по второму пути. Это диктовалось всей внутренней логикой предыдущих событий и характером развития советского государства, начавшегося не вдруг, а еще в октябре далекого теперь уже 17-го года. Летом 1930 г. на XVI съезде партии он открыто заявил, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления».

И наступление началось с очередного удара по Рыкову и Бухарину – процессы «Трудовой крестьянской партии» и «Промпартии». Кроме основного дела, были так называемые отраслевые дела «Промпартии» о «вредительстве». Дело же «Трудовой крестьянской партии» выглядит абсолютным двойником процесса «Промпартии». Я. Грей выражает на это типичную точку зрения западных исследователей: «Процессы были как бы предупреждением интеллигенции, особенно инженерам, техникам и административно-хозяйственным работникам, о том, что работать и служить надо, не задавая лишних вопросов» [1, с. 114].

А вот мнение Сейерса и Канна далеко не так стандартно: «Три последовательных процесса разоблачили и сокрушили торгпромовский заговор – последнюю серьезную интригу англо-французского империализма и царской контрреволюции в России. В результате арестов, произведенных агентами ОГПУ одновременно по всему Советскому Союзу, были захвачены участники эсеровского, меньшевистского и бе-

логвардейского подполья, а также большое число польских, французских и румынских шпионов» [7, с. 246].

Процессы, как кажется, действительно преследовали двойную цель: с одной стороны, по мнению О. Хлевнюка, «расправляясь с «буржуазными специалистами», сталинское руководство ... перекладывало на них вину за многочисленные провалы в экономике и резкое снижение уровня жизни народа, вызванные политикой «великого перелома» [10, с. 64]. С другой – это был камень в огород самих «правых», что уличало их в связи и покровительстве «вредителям», да еще чуть ли не в открытом «терроризме», причем скомпрометирован оказался даже Калинин.

Осенью того же, 1930 года, последовало «дело Сырцова-Ломинадзе». Первый, как мы помним, являлся председателем СНК РСФСР, второй – первым секретарем Закавказского краевого комитета партии. Дело, правда, не дошло до открытого процесса, но имело огромные последствия – «платформу» Сырцова, как модно было говорить в те годы, связали «правым уклоном», и таким образом, сам Сырцов послужил своеобразным трамплином к Рыкову. В результате на декабрьском пленуме Куйбашев прямо предложил Рыкова сместить, что и было сделано, а его пост председателя СНК СССР занял преданный Иосифу Виссарионовичу Вячеслав Михайлович Молотов.

Действия Сталина, его «генеральная линия» и откровенный автократизм не могли не вызывать открытого и явного недовольства во внутривластных кругах. «Уже к 1930 году деятельность оппозиции далеко не ограничивалась дебатами вождей на съездах – это были так, ритуальные мелочи, что-то вроде участия до революционных большевиков в Госдуме. К тому времени центр тяжести их работы давно уже находился в подполье – отсюда и суровость применяемых к ним мер» [8, с. 148].

Наибольшую опасность власти вождя над страной представляли теперь троцкисты. Зачистка подполья началась в 1932 с нашумевшего «дела Рютина». Сам Мартемьян Рютин, руководитель так называемого «Союза марксистов-ленинцев» и старый большевик, был фигурой одиозной. Да и его манифест «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также обращение «Ко всем членам ВКП(б)», были написаны с откровенно правых позиций и содержали чисто фракционную критику проводимого сталинской группой курса [2, с. 92]. По мнению Прудниковой и Колпакиди, «это же перефразированное и изложенное другим языком «заявление 46-ти» образца 1923 года, ... разве что прибавилось популистских пунктов по поводу народного хозяйства» [6, с. 152].

Впрочем, 2 октября 1932 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК, рассматривавший дело «Союза», принял решение об исключении Рютина из партии, всех его членов и всех, знавших о его существовании и не сообщивших о нем в ЦК или ЦКК. Однако тут возникли разногласия, подорвавшие доверие Сталина к Политбюро: «резко и наиболее определенно против вынесения смертного приговора Рютину высказался С. М. Киров, которого поддержали Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышев. При голосовании Л. М. Каганович и В. М. Молотов воздержались» [8, с. 170]. Кроме того, «дело Рютина» дало вождю повод выслать в провинцию Зиновьева и Каменева, пока, правда, только на год.

Таким образом, на XVII съезде партии Сталин мог уверенно объявить: «Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских группировок. Значит ли это, однако, что борьба кончена, и дальнейшее наступление социализма отпадает, как излишняя вещь? Нет, не значит. Значит ли это, что у нас все обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и – стало быть – можно теперь почить на лаврах? Нет, не значит».

Но чтобы понять, что произойдет позже, пришлось проанализировать события начала 30-х. Именно тогда Сталин планомерно и четко начал открыто убирать не только конкурентов, но и все элементы системы, которые теоретически могли помешать его политике – превращению СССР в мощную индустриальную державу с сильным государственным аппаратом, подчиненным ему и только ему. Для этого использовались жесткие приемы, к которым были привычны все: и сам вождь, и его противники, прошедшие многолетнюю школу революционной борьбы, Гражданской войны и подковерных интриг двадцатых годов. Наивно полагать Троцкого, Каменева, Рыкова, Бухарина, Рютина, Смирнова и прочих безвольными жертвами диктатора, но жесткости, политической дальновидности и напора им все же не достало – потому они и проиграли.

Масштаб репрессивных действий в те годы по сравнению с чисткой страны в 1935–1938 гг. еще мал, однако, что важно, окончательно выработана методика: быстрое реагирование на «угрозу», открытые и шумные процессы, качественная обличительная риторика вкупе с подкупающей демагогией, а также использование колоссального давления административного ресурса и СМИ. Последние успешно направлялись на изменение массового сознания и формирования единой официальной информационной реальности.

Список использованных источников

1. Грей, Я. Сталин (Человек истории) : монография / Я. Грей. – М. : Наука, 1979. – 590 с.
2. Жуков, Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. : монография / Ю. Жуков. – М. : Вагриус, 2005. – 512 с.
3. Мирошкин, В. В. К вопросу об отношении мордовского общинного крестьянства к политике просвещения 1920-х годов / В. В. Мирошкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 85–89.
4. Мирошкин, В. В. «Бытовое» православие мордвы как элемент этнической идентичности в первой трети XX века / В. В. Мирошкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 90–94.
5. Пискун, Е. Термидор в СССР: идеи Л. Троцкого и советская действительность 20–80-х годов : монография / Е. Пискун. – Рязань : Рус. слово, 1997. – 120 с.
6. Прудникова, Е. А. Двойной заговор. Тайны Сталинских репрессий : монография / Е. А. Прудникова, А. И. Колпакиди. – М. : Олма Медиа Групп, 2006. – 675 с.
7. Сейерс, М. Тайная война против Советской России : монография / М. Сейерс, А. Канн. – М. : Алгоритм, 2008. – 336 с.
8. Старков, Б. А. Дело Рютина / Б. А. Старков // Они не молчали. – М. : Политиздат, 1991. – С. 145–177.
9. Троцкий, Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? : монография / Л. Д. Троцкий. – М. : НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991. – 256 с.
10. Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы: монография / О. В. Хлевнюк. – М. : РОСПЭН, 1996. – 304 с.
11. Шарин, М. С. Политические репрессии в СССР в 30–40-е годы XX века глазами современного российского общества. Опыт социологического опроса / М. С. Шарин // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 1 (13). – С. 113–117.
12. Шишулина, Т. П. Структура и основные функции органов внутренних дел Мордовии в предвоенное десятилетие / Т. П. Шишулина, С. В. Ивенин // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 1 (9). – С. 111–115.
13. Шукшина, Т. И. Развитие системы научно-исследовательской деятельности в педагогическом

вузе / Т. П. Шукшина, П. В. Замкин // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 13–18.

References

1. Gray Ya. Stalin (The Man of history). Moscow, Nauka, 1979, 590 p. (in Russian)
2. Zhukov Yu. Another Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937. Moscow, Vagrius, 2005, 512 p. (in Russian)
3. Miroshkin V.V. To the question of the mordovian communal peasants attitude to the education policy in the 1920s, *The Humanities and education*, 2011, No. 1 (5), p. 85–89. (in Russian)
4. Miroshkin V.V. «Domestic» Orthodoxy of the Mordovians as an element of ethnic identity in the first third of the 20th century, *The Humanities and Education*, 2011, No. 3 (7), pp. 90–94. (in Russian)
5. Piskun E. Thermidor in the USSR: the ideas of Trotsky and the Soviet reality of the 20–80s. Ryazan, Russkoye slovo, 1997, 120 p. (in Russian)
6. Prudnikova E.A., Kolpakidi A.I. Double conspiracy. Secrets of Stalin's repressions. Moscow, Olma Media Group, 2006, 675 p. (in Russian)
7. Seyers M. Secret war against Soviet Russia. Moscow, Algorithm, 2008, 336p. (in Russian)
8. Starkov B.A. The case of Ryutin, They are not silent. Moscow, Politizdat, 1991, pp. 145–177. (in Russian)
9. Trotsky L.D. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where Is It Going? Moscow, Institute of Culture, Ministry of Culture of the RSFSR, 1991, 256 p. (in Russian)
10. Khlevnyuk O.V. Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s. Moscow, ROСПЭН, 1996, 304 p. (in Russian)
11. Sharin M.S. Political repression in the Soviet Union in the 30- 40s of XX century through the eyes of a contemporary Russian society. Experience survey, *The Humanities and Education*, 2013, No. 1 (13), pp. 113–117. (in Russian)
12. Shishulina T.P. Structure and basic functions of the organs of internal affairs of Mordovia in the prewar decade, *The Humanities and Education*, 2012, No. 1 (9), pp. 111–115. (in Russian)
13. Shukshina T.I. System development research in pedagogical high school, *The Humanities and Education*, 2012, No. 2 (10), pp. 13–18. (in Russian)

Поступила 14.10.2013 г.